

Не будем останавливаться на сходстве синтаксиса и риторических приемов Дамаскина и Любослова, так как здесь проявляется часто только следование традиционным правилам. Гораздо показательнее словоупотребление.

Почти каждый раз, когда на страницах «Собеседника» заходила речь о Любослове, насмешливо повторялось прежде всего слово «средоточие», употребленное им в неудачном первом периоде. В «Ежедневной записке общества незнающих» одному этому «средоточию» посвящаются несколько страниц: «О средоточии в палате без чутья мнения были разделены, один член представлял, яко у некоторых народов средоточие колодезь или ключ. Другой оспорив говорил, что средоточие земного шара, по сказанию китайцев, есть Китайское государство. Третий толковал, будто средоточие, быв составлено из двух слов „среди“ и „точие“, свойственное мельничному действию или токарному станку, откуда натягивал сходство к оси земной, о солнечном круге и средоточии всякого круга...»³⁰ и т. д.

Очевидно, всем это слово казалось диким и странным. Действительно, оно не имело широкого употребления. В «Лексиконе» Вейсмана (1731) «Mitte», «*medium*» переводятся по-русски словами «середина», «посредство». В «Кратком словаре славянском» игумена Евгения (1784) «средоточие» приводится как устарелое слово, требующее пояснений («середняя точка в кругу, центр»). Словарь Академии Российской (1794) указывает довольно узкое его значение: «...средняя точка или точка, равно от краев отстоящая». Примеры даются только такие: «средоточие земли», «средоточие круга».

Во всяком случае это устарелое и странное для современников слово встречается у Дамаскина: «По святым их [законов] предписаниям всеобщее благоденствие и каждого сочлена спокойствие есть *средоточие* всех его действий и всех его намерений...»³¹

Кстати, можно заметить, что в статье Румовского «О системе мира», напечатанной в том же «Собеседнике», несколько раз употреблены слова «середина» и «центр», но «средоточие» не встречается ни разу.

Таким образом, употребление слова «средоточие» подтверждает предположение, что Любословом мог быть Дамаскин, хотя и не доказывает этого; тем более, что и Иван Морозов, о котором говорил Я. К. Грот, этим странным устарелым словом переводит на русский язык немецкое слово «ein Punkt» в книге Сульцера «Сокращение всех наук». Правда, других ярких соответствий в языке перевода Морозова и статей Любослова нет. Морозов даже допускает некоторые неточности в падежах, против чего так восстает Любослов.

Сравнив тексты Любослова и Дамаскина, можно указать на совпадение следующих характерных выражений: «поприще российской учености» у первого и «поприще учения», «богатство учености» у второго.³²

У обоих авторов встречаются также малоупотребительные эпитеты «мысленный» и «стремительный»: «лучи мысленного света», «стремительное рвение» у Любослова; «представим пред мысленные очи», «стремительное действие любви» у Дамаскина.³³ Даже в предисловии к «Библиотеке Российской» Дамаскина встречается такое довольно редкое, но употребленное и Любословом, слово, как «вышепоказанные».³⁴

Совпадение в самых мелких незначительных деталях иногда представ-

³⁰ Там же, ч. VIII, стр. 57.

³¹ Д а м а с к и н. Проповеди. М., 1783, стр. 30.

³² «Собеседник», ч. II, стр. 32; Д а м а с к и н. Проповеди, стр. VI, VIII.

³³ «Собеседник», ч. VII, стр. 143; Д а м а с к и н. Проповеди, стр. 131; Д а м а с к и н. Слово о любви к отечеству. М., 1776, стр. 11.

³⁴ «Собеседник», ч. VII, стр. 155; Д а м а с к и н (Семенов-Руднев). Библиотека Российская, стр. 2.